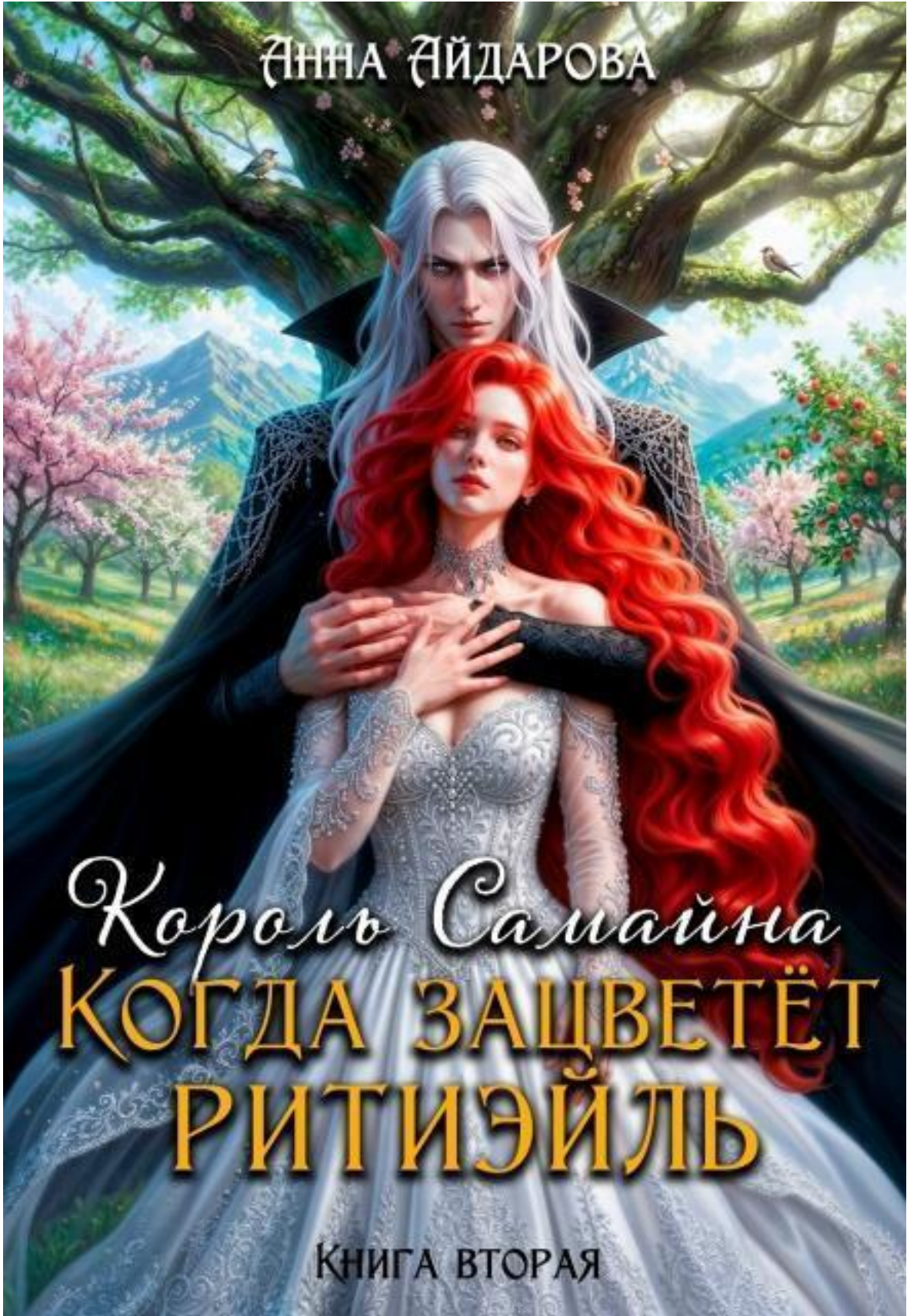

The book cover features a detailed illustration of a man and a woman in a fantastical setting. The man, with long white hair and pointed ears, wears a black cape and holds the woman. The woman has long, flowing red hair and wears an ornate white dress. They are positioned in front of a large, ancient tree with blossoms, with a mountain range in the background. The overall style is highly detailed and painterly.

АННА АЙДАРОВА

Король Самайна
КОГДА ЗАЦВЕТЁТ
РИТИЭЙЛЬ

КНИГА ВТОРАЯ

Анна Айдарова

**Король Самайна. Когда
зацветет ритиэйль**

«Литнет»

2026

Айдарова А.

Король Самайна. Когда зацветет ритиэйль / А. Айдарова —
«Литнет», 2026

Он обещал мне защиту. Клялся, что никто и никогда не причинит мне зла. Что его мир станет моим домом. Я поверила. Я построила замок своей надежды на его словах. Но однажды я задала простой вопрос. И прежде чем ответить, Король Самайна отвел глаза. Как жить дальше, когда тот, кто учил тебя доверять, становится новой угрозой? И есть ли смысл бороться за будущее, если тот, ради которого ты готова умереть, возможно, уже выбрал цену — твою жизнь, — которую готов заплатить? Добро пожаловать в мир, где любовь острее клинка, а самая горькая магия рождается из предательства. Эта книга - второй том дилогии «Король Самайна». Первую часть (бесплатно до завершения цикла) можно прочесть здесь:

© Айдарова А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Часть первая. Возвращение	5
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	14
Глава 5.	16
Часть вторая. Охота и охотник	19
Глава 7.	22
Глава 8.	24
Глава 9.	26
Глава 10.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Часть первая. Возвращение

Глава 1.

Мир вывернулся наизнанку.

На секунду — темнота, холод, чувство падения, будто я проваливаюсь в пропасть. А потом — свет. Золотой, мягкий, пробивающийся сквозь туман.

В лесу барьер преодолевать было проще, но я обрадовалась, что в итоге мы оказались в пригороде, на перекрестке, у фонаря.

— Пойдем, нам не очень далеко. Прогуляемся.

Меня немного подташнивало, и это было странно. Каждый переход из мира фэйри в мир людей был для меня некомфортным, но не настолько. К тому же обычно мы останавливались и мне давали прийти в себя, перестроиться. Сейчас эльф не намеревался ждать, и мне пришлось подчиниться.

Сквер, в котором мы вышли из портала, скоро закончился. Мы оказались на городской улице, не слишком оживленной, с привычными кафе, магазинами, освещенными витринами. Я вдыхала родные запахи машин, смога, колючего снега и радовалась как ребенок.

Район, судя по хорошо одетым людям (Господи, как хорошо, что их было немного, я вздрагивала и пугалась чуть ли не каждого встречного!), стильным магазинчикам, дорогим машинам, был престижный, напоминал мне Лондон (не может быть!) и узнать, что мы здесь делаем, мне хотелось, конечно, но не особо. Я вдруг поняла, что не хочу ничего. Вообще.

Наконец, мы свернули к комплексу, обнесенному высокими кованными решетками. И камеры, и табличка «Private Property» на воротах. Ворота распахнулись, стоило Эйрнану подойти, он пропустил меня вперед и вошел следом. Несколько таунхаусов, расположенных полукругом, образовывали красивый архитектурный ансамбль. В центре — фонтан, не действующий по зимнему времени, но изящный и воздушный, по периметру — подстриженные кусты. Всё тихо, чисто, дорого.

Небольшой домик позади оказался вотчиной консьержа. Меня опять пропустили вперед, в светлый чистый мир дорогих домов, стиля, роскоши. Пожилой смотритель приветливо улыбнулся. Он видел, насколько мне не по себе здесь, и конечно моментально оценил мою одежду, только мне казавшуюся дорогой и стильной. Но не подал вида.

— Доброй ночи, мистер Андерс, рад видеть вас в добром здравии, — проговорил он, выходя к своей стойке. — Я как чувствовал, что вы приедете, вчера был заказан клининг. Так что ваши апартаменты полностью готовы, сэр. Рад вашему возвращению.

Консьерж доставал ключи, Эйрнан вполне доброжелательно улыбался, обмениваясь с ним дежурными фразами, я старалась сделать вид, что все нормально и вообще ничего не происходит. Вот вообще ничего.

Потом мы прошли к одному из домов. Мраморный холл, свежесть, живые цветы, лифт... Я не спала, точно лифт.

Я смотрела на своё отражение в зеркальных панелях лифта. Уставшее лицо, растрёпанные волосы, чужая одежда. Я выглядела здесь так же нелепо, как бродяжка во дворце королевы.

Лифт мягко остановился. Мы вышли в коридор — узкий, с ковровой дорожкой и несколькими дверями. Тирн направился к дальней.

Он приложил палец к сенсорной панели. Дверь бесшумно открылась.

И так же бесшумно закрылась за моей спиной.

Я ожидала чего-то... другого. Может быть, темноты. Может быть, той же холодной пустоты, что и в особняке. Но здесь было иначе.

Большая комната, залитая мягким светом. Высокие потолки, панорамные окна, за которыми — такой родной городской пейзаж. Мебели мало, но каждая вещь выглядит дорогой и продуманной. Диван, кресло, низкий столик. На стенах — картины. И плазма.

Я сделала шаг вперед. Пол под ногами был тёплым. В углу комнаты — камин. Настоящий, с дровами, которые, казалось, ждали только команды, чтобы загореться.

— Располагайся. Там спальня, — он толкнул одну из дверей. — Там столовая. Следом мой кабинет. И самая крайняя дверь — кухня. Ты какую пиццу предпочитаешь?

Пиццу... да мне бы вообще осознать, что я не сплю, а он — пиццу!

— Ты вообще кто такой? — задала я самый тупой вопрос, но мне реально больше ни о чем не получалось подумать.

— Король Дикой охоты, лорд разоренного дома, охотник королевы, — этого тебе вполне хватит.

— Король Дикой охоты не живет в апартаментах в стиле хай тек. А лорд неблагого двора не может заказывать пиццу, — пробормотала я.

— Да? Не замечал пока таких ограничений. Не хочешь пиццу, закажем ростбиф. Здесь рядом чудесный ресторан, повар отличный.

— Повар... ресторан...

— Ну так что? Пиццу? Или закажем приличный ужин?

Я только махнула рукой.

— Тогда будешь есть, что привезут, — пригрозил эльф. — Спальня там, располагайся пока. И я сплю на левой части кровати.

Я осматривалась, слушая, как он говорит по телефону, как включил телевизор, поставив громкость на едва слышный минимум.

— Гвен, отомри уже! Мне же надо где-то жить, когда я на земле, — спокойно пояснил он, заходя в спальню. — Ужин скоро привезут. Ты в душ пойдешь?

— А? Нет, я потом...

— Хорошо, — ответил эльф и полез в шкаф. — Полотенца здесь, выберешь для себя сама.

Он переоделся в земную одежду, потом ушел в ванную (стильная плитка, душевая кабина, много света, блеска и хромированных деталей). Как будто так и надо. Как будто все само собой разумеется.

Я присела на идеально застеленную кровать. Смяла покрывало, но даже не смутилась от того, какой диссонанс внесла одним своим присутствием.

Эльф был так же органичен здесь, как и во дворце королевы, как и в своем одиноком, полузаброшенном доме. Я же в своем собственном мире чувствовала себя изгоем.

Шум воды стих, Эйрнан вскоре вернулся в спальню уже одетый в простую черную футболку без рисунка и джинсы. Волосы были мокрые, но привычно стянуты в низкий хвост.

— Все хорошо, Гвен, — он сел рядом со мной. — Мы проживем здесь пару дней, потом съездим в несколько мест. Ты ведь поможешь мне?

Я кивнула.

— Хорошо. Ты хотела бы вернуться в свой мир... насовсем?

— Еще месяц назад я бы тебе точно сказала: да, хочу. Но... этот мир мне чужой. Я не смогу здесь. Я боюсь, я вообще теперь нигде не смогу, — медленно ответила я.

Только теперь до меня начал доходить смысл старых глупых сказок о волшебном мире. И о том, чего не следует желать смертным.

Эльф посмотрел на меня как-то странно, не то с грустью, не то с сожалением. А потом в дверь позвонили.

Дорогие читатели!

Данная книга - продолжение дилогии Король Самайна.

Начало истории здесь: <https://litnet.com/shrt/fBgI>

Глава 2.

Потом была ночь. Ночь, которую я боялась. Никакого желания близости у меня не было, но я точно знала — заяви Эйрнан о своих правах на меня, на эту ночь, я вряд ли бы смогла отказать. Вряд ли бы посмела даже подумать о таком варианте.

Я тихонько устроилась на правой стороне кровати и ждала. Но Эйрнан погасил общий свет, оставив только лампу со своей стороны, и лег рядом, спокойно читал и не обращал на меня внимания. А я не заметила, как заснула.

Проснулась от стога. Сначала не поняла, что меня разбудило. В спальне было темно, за окнами ещё не рассвело, а в комнате стояла такая тишина, что я слышала собственное сердце. И потом — снова.

Стон. Глухой, сдавленный, который пытались сдержать, но не получалось.

Я села на кровати. Эйрнан лежал рядом, уткнувшись лицом в подушку. Цепляясь за простыню, сминая ткань.

Я коснулась его плеча.

— Эйрнан, — позвала я тихо. — Проснись.

Он не слышал.

А потом я увидела нити. Багровые, широкие, совсем не такие, как те, что соединяли королеву и лорда Каэла, и не такие, которые появлялись между мной и ним, стоило кому-то из нас оказаться достаточно близко друг от друга.

Багровые, пульсирующие, как живые, они словно появлялись из ниоткуда, обвивали его тело, оплетали руки, грудь, стягивались на горле, врезались в кожу, оставляя следы.

Сине-голубые нити проявились тоже, но были куда тоньше багровых.

— Эйрнан! — я трясла его за плечо, и звала, громко, настойчиво. — Проснись! Слышишь меня?!

Он вздрогнул. Вдохнул — глубоко, судорожно, будто выныривая из воды. Открыл глаза.

— Эйрнан, все хорошо? —

Он смотрел на меня долго. Секунду. Две. Три. Потом кивнул.

— Всё нормально, — его голос показался мне чужим. — Извини, что разбудил.

— Эйрнан...

— Спи, Гвен, — он сел, провёл рукой по лицу. — Спи. Я сейчас вернусь.

Я хотела спросить, что это было. Но он уже встал и вышел из спальни, бесшумно закрыв за собой дверь. Багровые нити вокруг него все еще пульсировали, но стали куда тоньше и бледнее.

Минута. Десять минут. Полчаса.

Я лежала, смотрела в потолок и считала его шаги за стеной. Я слышала, как он ходит по коридору. Потом все стихло, но эльф в спальню так и не вернулся.

Часы мигнули снова, показывая время. Четыре. Почти час, как он вышел. Встала, накинула его рубашку, которая висела на стуле, и вышла в коридор. В квартире было темно, только в одном из дальних помещений пробивался свет.

Я нашла его за столом на кухне.

Он сидел, опустив голову на сложенные руки. Рядом стакан с водой — наполовину наполненный, — и мокрое пятно на столешнице. И тонкие багровые нити вокруг.

— Эйрнан.

Он поднял голову. Молчал.

— Я не могу ничем помочь? — спросила я тихо.

— Иди спать, Гвен. На сегодня все представления закончены.

Это прозвучало грубо.

— Я не заслужила, чтобы вы меня обижали, — я очень старалась говорить спокойно. — Я всего лишь пришла спросить, не нужна ли вам. И если не нужна — отлично, тогда я пойду.

Никуда я не ушла, конечно. И сон пропал, уснуть мне теперь не удастся, и было обидно. И еще — никакой эмпатии. Надоело, правда. Сколько раз я оправдывала все его выходки... ладно, одну. Только одну. Но я ничем не заслужила такого обращения и сейчас!

— Я вижу их, — сказала я. — Я знаю, что вам больно из-за этих нитей.

Он поднял голову.

— Что ты видишь?

— Нити. Багровые. Они вокруг везде. На запястьях, на груди. На горле.

Он смотрел на меня долго.

— Значит, полукровка, — сказал он наконец. — И что еще?

— И синие нити тоже, сейчас.

Я протянула руку к нему и между нами проявилось сине-голубое свечение.

— И между другими. Иногда вижу. И знаю, почему они связывают двоих. Или что делают, или... — я окончательно запуталась, не зная как объяснить. Мне казалось, что я стою посреди бушующего огня стихий (как бы примитивно это не звучало), самое разнообразное разных форм разных размеров разных цветов тянутся к этому огню, окружающему меня.

— Ты же их видишь?

— Что именно? — он смотрел на меня равнодушными и пустыми глазами, как тогда, в особняке... но хоть без ненависти...

— Ничего, — я опустила руку и нити, связывающие нас, стали едва видны. Но не пропали. — Багровые причиняют тебе боль. Почему?

— Мне просто напомнили еще раз кто я и кому принадлежу, — жестко оборвал он. — Синие... голубой и синий — цвета моего двора. Ты знаешь. И впредь поменьше проявляй любопытства. Иди. Пожалуйста, иди спать. Не мучай меня еще больше. Мне нужно побыть одному. Иди.

Я ушла. Устроилась на диване в гостиной — в спальню заходить не хотела и не могла — и смотрела на тьму за окном. Тьма была везде: она проглотила дома, тротуары, фонари, снег, небо — все, полностью, и подбиралась все ближе и ближе, сливаясь с миром, превращая его в нереальный морок тяжелого сна.

Глава 3.

Я не помнил, сколько прошло времени.

Дни? Недели? Месяцы? Время потеряло для меня смысл. Были только боль — и ожидание. Чего? Смерти? Освобождения? Я уже не помню, чего хотел в начале. Но очень скоро все мои желания свелись к одному: чтобы это кончилось.

Железо.

Широкие обручи на запястьях, на щиколотках, на шее, на груди. Врезаются в кожу, жгут, не дают забыться даже на секунду. Магия во мне сворачивается, шипит, как саламандра на огне. Я чувствую, как я умираю. Каждый день. Каждый час. Каждую секунду. Схожу с ума от боли. И не остается больше сил терпеть.

Подвал. Сырость. Запах гнили и моей собственной крови. Я сижу, прислонившись к стене, и смотрю в потолок. Там нет ничего. Только камень. Только тьма.

Иногда они приходят. Проверяют, жив ли я. Спрашивают что-то — я не отвечаю. Английский? Французский? Иное какое-то наречие людей? Я давно перестал различать. Удары, которых я почти не чувствую. И снова вопросы. Пока я не перестану реагировать совсем.

Иногда я думаю о Меривель.

Нет, не о той, что стала королевой. О той, другой. Которая смеялась, запрокинув голову, и чьи волосы пахли зимними цветами. Которая говорила, что я — её скала, её опора, её будущее.

Я был дураком.

Я думал, она предложила мне свое сердце из расчёта. Из политической выгоды. Я думал, она поймёт отказ, потому что она умна. Потому что она ставит разум выше чувств.

Я не учёл двух вещей. Она была девушкой. И она была влюблена.

Влюблённая женщина не прощает отказа.

Я усмехаюсь — и морщусь от боли. Губы разбиты, покрыты запекшейся коркой, которая при малейшем движении трескается.

Гарнизоны королевы покинули мои земли. Грань истончилась. Люди пришли с железом и огнём. Мои вассалы погибали один за другим, а я не мог им помочь. Меня обвинили в измене. Двор Зимнего Сна перестал существовать. Замок пал. Земли были выжжены и разорены. Ритиэйль, что цвели там, где ступала нога наследника, засохли за одну ночь.

А я оказался здесь. В железной клетке. Потому что те, кто обещал помощь, предали. Или погибли.

Я закрываю глаза. Забыться. Хоть немного. Но это невозможно. Мне никуда не деться от памяти. И от боли. От постоянной, сводящей с ума боли.

Однажды раздались шаги — тяжёлые, неторопливые. Несколько человек. Останавливаются перед дверью. Лязг засова. Свет — резкий, масляный, от факела — бьёт по глазам, и я щурюсь, но нет сил даже отвернуться.

— Ебать, ещё жив, — говорит кто-то. Голос равнодушный, будничный, будто он разочарован. — А я думал, уже всё, догнил.

— Повезло уёбку, — отвечает второй. — Только нам теперь с ним возиться.

— Да похер, заплачено. Давай, помогай, я один что ли буду тут теперь корячиться? — зло говорит кто-то третий.

Рывком, не церемонясь, чьи-то руки поднимают меня. Оковы впиваются в запястья, и я сдерживаю стон, едва сдерживаю, из последних сил. Чертова гордость, но я лучше сдохну, чем доставлю им удовольствие.

— Смотри, дергается ещё, — первый пинает меня в бок. — Крепкий, сука.

— Сколько он уже здесь? — спрашивает второй.

— А хрен его знает. Я заступил месяц назад, он уже был здесь. Ну и воняет, бля... — первый отворачивается, сплёвывает. — Поднимайся, падаль, клиент ждёт.

— Он точно не сдохнет?

И снова пинает меня, теперь в голень. Я сжимаю зубы.

— Слышь, ты, эльфийская рожа. Скажи что-нибудь, чтобы этот сосунок отъебался.

Я молчу.

— Немая падаль, — второй сплёвывает мне под ноги. — Да похер. Грузим.

Меня хватают за ошейник, как мешок. Волокут по каменной кладке — сам я не успеваю за моими мучителями.

Холод — резкий, зимний — бьёт в лицо, и я делаю вдох, глубокий, жадный, как будто в первый раз. И задыхаюсь. Снег слепит глаза. Я не видел света так долго, что он кажется мне огнём. Тошнит от свежего воздуха, от малейшего движения.

Где-то в стороне ещё один голос, совсем молодой, бормочет:

— А кто за него заплатил-то? Столько монет отвалил...

— А тебе какая разница? — рывкает первый. — Дело делай, пасть закрой.

— Да я ничего... — бормочет тот. — Просто... он же эльф. Кому он нахер сдался?

— Тому, кто золотом платит, — второй хватает меня за волосы, запрокидывает голову. Свет факела бьёт в глаза. Я почти не могу стоять, но он держит крепко. — Смотри, запомни: ты ничего не видел. Никого не было. Понял, щенок?

— Понял, понял...

Меня бросают на дно повозки. Железных обручей нет, но руки накрепко связаны за спиной. Кто-то накрывает меня рогожей — пахнет конским потом и гнилой соломой. Так нестерпимо мерзко, что меня рвет прямо на мокрую холодную солому.

— Трогай, — командует кто-то.

Повозка дёргается. Я лежу, глядя в темноту сквозь дыры в мешковине, и чувствую, как раны продолжает жечь. Но теперь — слабее. Почти терпимо. И я уже почти ничего не чувствую.

Дорога занимает много времени. Или немного? Я потерял счёт.

Кормят какой-то жижей, насильно. Видно, и правда заплатили хорошо... только бесполезно. Мне так плохо, что проглотить это месиво сил почти нет. Я не различаю даже день ли вокруг, ночь ли, где я.

Потом — снова подвал. Но другой. Суше. Чище. Пахнет не гнилью, а камнем и холодом. Я не знаю, где я. Но чувствую магию. То, что я в своем мире снова становится однажды очевидно.

Я успеваю забыть, как выглядит свет. Успеваю привыкнуть к новому подвалу, к новым цепям, к новой боли. Я почти научился не думать. Отключиться. Стать камнем.

А потом открывается дверь, и я слышу шаги. Лёгкие, почти невесомые. И звон колокольчиков.

Меривель.

Она останавливается на пороге, смотрит на меня. Сверху вниз. С легкой, брезгливой улыбкой.

— Жив, — говорит она. — А я уж думала, не успею.

Я молчу. Говорить не о чем.

— Ты не рад меня видеть, Эйрнан? — она наклоняет голову, притворно-печально. — А я так старалась. Нашла тебя. Выкупила у этих... дикарей. Ты даже не представляешь, сколько они запросили.

Я смотрю на неё. В голове — пустота. Только боль и железо.

— Зачем? — спрашиваю. Голос хриплый, чужой. Я не узнаю его.

— Зачем? — она смеётся. — Ты ещё спрашиваешь? Ты мой, Эйрнан. Всегда был моим. Просто иногда забывал об этом.

Она делает шаг вперёд, и я чувствую её запах — сладкий, цветочный, удушающий. Так пахнут ночные фиалки. И смерть.

— Ну как? — участливо говорит она и протягивает руку, едва касаясь моей щеки. — Ты жив, это главное. Хоть ты и мятежный лорд, но... помня нашу старую дружбу...

Она снова смеется.

— Я и не ожидала, что буду так рада тебя увидеть. А ты, мой милый?

— Это ты...

Я не спрашиваю. Я вдруг понимаю, что все невероятные мысли о предательстве и странных стечениях обстоятельств — вовсе не такие уж невероятные и сводятся к одному источнику.

— Много же тебе потребовалось времени, чтобы догадаться. Зря отец называл тебя умнейшим из бессмертных, зря хотел нашей свадьбы. Такой зять ему бы не понравился.

Она склоняется ко мне совсем близко.

— Я не злопамятна, Эйрнан. А вот хорошее помню. Принеси мне новую клятву. И я приму ее. Будешь служить мне. И я позволю тебе жить.

— Позволишь жить? — переспрашиваю я. — Ты уже позволила. Я здесь. В твоей тюрьме.

— В моём дворце, — поправляет она. — Будешь жить во дворце. Иногда — выходить на охоту. У тебя будет кров, одежда, даже слуги, если захочешь. Всё, кроме свободы.

— А если откажусь?

Она улыбается. Она улыбается как всегда, но за нежностью я вижу хищный яд.

— Тогда ты останешься здесь. На много лет. Я не казню тебя, Эйрнан. Это было бы слишком милосердно. Ты будешь сидеть в этой камере, без магии, без света, без надежды. И будешь помнить, что сам выбрал это. Каждый день. Каждый час. Каждую секунду своей бесконечной жизни.

Я закрываю глаза.

Она не лжет. Я знаю её. Она будет ждать. Десять лет. Сто лет. Столько, сколько понадобится. Потому что её терпение — это часть игры. И она всегда выигрывает.

— Да, — говорю я. — Но я хочу плату.

— Торговаться имеет смысл там, где ты можешь заплатить, Эйре. Здесь же не тот случай, — нежно улыбается королева. — Или я чего-то не знаю?

— Ты хочешь моей клятвы? Я дам. Ты заплатишь в обмен.

Она смеется, глядя на меня. Но спрашивает цену.

— Те, кто служил мне. Те, кто жив...

— Они принесли клятву мне, Тирн. Ты ведь больше не владыка холма.

— Все?

— Нет. Горстка принципиальных глупцов всегда найдется, мой дорогой. Так чего ты хочешь?

— Ты отпустишь их. Дашь возможность покинуть твои земли. Не будешь преследовать. Забудешь об их существовании. И тогда ты получишь мою клятву.

— Не много ли просишь, Эйрнан? — неожиданно зло спрашивает девушка, которую я всегда считал милой и нежной.

Не много. Меривель заплатила бы и больше.

— Дай мне свое слово, и я принесу клятву, — повторяю я.

— Я принимаю твою цену, — отвечает королева. — Клянешься ли ты?

— Да.

— Громче, — требует Меривель. — И смотри на меня. Хочу видеть твои глаза, когда ты будешь клясться.

Я поднимаю голову. Смотрю на неё — прекрасную, холодную, чужую.

— Я согласен, — повторяю громче. — Я клянусь служить тебе. Верно. До конца.

— Я не слышу твоих слов. Громче, Эйрнан Ан Тирн.

— Я клянусь, — повторяю я.

Она удовлетворенно кивает. И воздух вокруг начинает сгущаться.

Я чувствую это раньше, чем вижу. Магия — ее магия, липкая, как смола. Она обволакивает меня, проникает под кожу, находит то, что осталось от моей силы, и сжимает.

От моей королевы ко мне тянутся тонкие магические нити, обвивают запястья, щиколотки, шею. Ложатся поверх старых шрамов от железных оков.

— Это, — говорит Меривель, — чтобы ты всегда мог вовремя вспомнить, кому служишь.

Нити сжимаются.

Я не могу сдержать крика.

А она смотрит. Улыбается. С наслаждением слушает, как я захлебываюсь в боли и крике. А когда всё заканчивается, наклоняется и говорит почти ласково:

— Добро пожаловать домой, мой верный охотник.

Я лежу на каменном полу, мокрый от пота, в собственной крови и рвоте, с багровыми клеймами, выжженными по ее прихоти. Я больше никогда не буду свободен.

Глава 4.

Я сбился со счета. Я не хочу считать. И не хочу помнить.

Но кто-то вцепляется в мое плечо и трясет, настойчиво зовя меня по имени.

Ночь. Лондон. Квартира.

Я просыпаюсь от крика.

Моего крика.

Сердце колотится где-то в горле, лоб мокрый, простыня сбилась. Я сажусь на кровати, тяжело дышу, и чувствую — багровые нити пульсируют. Меривель напонила. Снова.

Встаю, иду на кухню, наливаю воды. Надо успокоиться. Или хотя бы попытаться.

Руки дрожат. Я сжимаю стакан, смотрю на свои руки. Сколько раз они сжимали меч? Сколько раз — хотели бы сжать её горло?

Сейчас хочу только тишины.

Но слышу шаги. Лёгкие, неуверенные. Останавливается в дверях.

«Эйрнан».

Я не оборачиваюсь. Не могу. Если я посмотрю на неё сейчас — и увижу в её глазах жалость?.. А жалость я не вынесу. Жалость — это то, что Меривель чувствовала, глядя на меня в подвале. Жалость — это оружие. От меня и так почти ничего не осталось. Я не могу больше.

Оковы моей клятвы снова сжимаются.

Кричать нельзя.

Потом боль становится терпимой. И я наконец могу произнести несколько слов:

«Иди спать, Гвен. На сегодня представления закончены».

Но она все равно остается. Я слышу её дыхание, запах — травы, дым, что-то тёплое, человеческое. Иное.

«Я не заслужила, чтобы вы меня обижали. Я всего лишь пришла спросить, не нужна ли вам».

Обижена. Я резко оборачиваюсь. Хочу сказать ей: не нужна. Никогда не была нужна. Убирайся, пока я не сказал что-то, о чём пожалею через минуту.

Горло опять сдавливает. Сильно и властно. От боли я готов выть. Умолять, чтобы все это прекратилось.

Девочка смотрит на меня. С вызовом и испугом. И боится она за меня. Это хуже жалости.

А потом разворачивается и уходит.

Я остаюсь один. Смотрю на дверь, за которой она скрылась.

«Представлений больше не будет», — говорю я в пустоту. Голос звучит неестественно, тяжело.

Я нарушил приказ. Глупо. Опасно. Безумно.

Но когда она стояла передо мной — испуганная, растерянная, рыдающая от безысходности и страха, с багровым следом от пощёчины — я не мог оставить её там. Не мог позволить им прикоснуться к ней. Не мог смотреть, как над её душой будут издеваться, резать на кусочки, как когда-то мою.

Меривель отдавала распоряжение Гвен, напоминая и мне, и ей, кто здесь реальный хозяин. Наверное, улыбалась. Хотела, чтобы я сорвался? Чтобы дал ей повод?

Я сделал единственное, что мог.

Не позволил этому случиться.

Не потому что... ревновал. Не потому что хочу её для себя. Хотя и это тоже.

А потому что я знаю, что значит «прислуживать» в постели королевских лордов. Я знаю, как они ломают. Как вынимают душу по кусочкам, улыбаясь и говоря комплименты. Как после этого остаётся пустая оболочка, которая умеет только улыбаться в ответ и делать то, что велит.

Я не хочу, чтобы Гвен стала такой.

Я не хочу смотреть, как её ломают так же, как ломали меня.

Пусть Меривель делает со мной что хочет. Пусть нити моей клятвы сжимаются до тех пор, пока я не закричу. Пусть напоминает мне каждую секунду, кто я и кому принадлежу.

Но Гвен я не отдам.

Она — последнее, что напоминает мне, что я — это всё ещё я.

Не пёс. Не охотник. Не собственность.

Эта ночь станет моей пыткой.

Прости меня, Гвен. Я не могу, не хочу чтобы ты это видела.

Я сижу в темноте, смотрю на закрытую дверь, за которой она скрылась.

Клятва жжет, больно, но терпимо. Пока еще можно молчать, сжимать ладони в кулаки и молчать.

Я не хочу, чтобы она видела меня таким. Не хочу, чтобы она смотрела на меня с жалостью.

В квартире тихо. Заснула?

Надеюсь. И это единственное, что имеет значение.

Глава 5.

Я проснулась от света.

Солнце било в незашторенные окна, и я не сразу поняла, где я. В квартире было тихо, плед почти сполз на пол, я потянулась поднять его, и только тогда окончательно проснулась.

Гостиная. Значит, вчера мне ничего не приснилось. Правда, пледа в той реальности тоже не было. Значит...

Ничего это не значит. Но если это была попытка извиниться за грубость — примем. У меня все равно нет выбора. Я просто не хочу выбирать.

Я выглядываю в окно еще раз. Красивый вид. Здесь все, даже такая мелочь как вид из окна — стильно и дорого.

Меня вдруг накрывает. Ощущение, что все происходящее — дикий, нереальный сон, что мир двоится и плывет, что я схожу с ума и сейчас перешагну границу, после которой возврата не будет. В глазах темнеет, я напрасно пытаюсь найти рукой хоть какую-нибудь опору. Бесполезно. Весь осязаемый мир тонет в какой-то вязкой мерзости, от чего меня тошнит.

— Гвен?

Голос — далёкий, словно я где-то под водой, где-то глубоко-глубоко. Я рада бы ответить, но не могу — язык не ворочается, горло пересохло.

Чувствую, как чьи-то руки подхватывают меня, не дают упасть. Или...

— Гвен, посмотри на меня.

Я открываю глаза — и наконец вижу его лицо. Встревоженный взгляд, напряженный и серьезный, но это не дает моему сознанию вернуться обратно, в вязкую муть. Эйрнан держит меня за плечи, не позволяя сползти вниз, на пол.

— Что с тобой? Ты меня слышишь?

Ответить сил нет, даже головой мотнуть — та еще проблема. Мир кружится, пытаюсь провалиться в воронку.

Эйрнан вроде что-то еще говорит, я не могу разобрать. Меня тошнит, во рту сохнет, и перед глазами всё плывет. Эльф наконец оставляет попытки быть услышанным, подхватывает меня на руки — легко, будто я ничего не вешу, — и куда-то несет. От ощущения движения мне еще хуже. Тошнота накатывает волнами, с каждым разом все сильнее.

Я чувствую опору и тут же меня сгибает пополам — желудок отзывается резкой болью, и я понимаю, что меня сейчас вывернет. А эльф все держит меня за плечи, не давая завалиться на бок, и что-то говорит — быстро, резко, но я так и не могу разобрать слов.

Меня рвет. Прямо на его руки, на его футболку, на диван. Я пытаюсь извиниться, но перестаю видеть и понимать, что происходит. Опять рвет. И еще раз.

Немного легче становится от холода — Эйрнан осторожно вытирает мне лицо и руки мокрым полотенцем, убирает растрепавшиеся волосы и снимает испачканную одежду. Сменной у меня нет, и он приносит свою. Я тону в просторной футболке, но мне становится от чего-то тепло и немного легче.

— Ложись, — говорит он. И помогает мне. Сама я никак не могу понять, что и как сделать. Голова опять кружится, перед глазами все меркнет и спазмы снова режут желудок на части.

Он снова приподнимает меня и поит какой-то горькой гадостью, которая пахнет мятой и чем-то еще, очень знакомым и родным. Горячая жидкость внезапно успокаивает все неприятные ощущения. Делаю глоток, потом еще и еще.

Он сидит рядом, держит одной рукой кружку, другой обнимает меня. А я чувствую себя уставшей, грязной, слабой — и одновременно защищенной. Странное чувство. Непривычное.

Он укрывает меня пледом и оставляет в покое. И я наконец могу закрыть глаза.

Я лежу, свернувшись калачиком, и боюсь повернуться, чтобы не закружилась голова. Я ничего не вижу — глаза открывать не хочется, от света начинает тошнить. Но я слышу его дыхание. Слышу, как Эйрнан периодически встает и ходит по комнате, как возвращается в кресло и берет свой тонкий ноутбук на колени, мягко звучат клавиши под его пальцами.

Время течет медленно, неспешно. Сквозь ресницы я вижу, как свет за окном меняется — становится ярче, потом желтее, потом розовеет. А потом уходит совсем.

Иногда я открываю глаза. Эйрнан по-прежнему рядом. Хмурится, ноутбук на коленях, экран освещает его сосредоточенное лицо. И каждый раз, когда я пытаюсь пошевелиться, он поднимал голову.

— Всё хорошо? — спрашивает тихо.

— Да, — выдыхаю я. И снова затихаю.

— Пить хочешь?

Качаю головой. И никакой волны тошноты и боли. Неужели все закончилось?

Звонок в дверь. Эльф выходит. Я слышу приглушенные голоса, но никак не могу разобрать слов.

Он возвращается через несколько минут, садится в кресло. Смотрит в экран ноутбука, но явно думает о чем-то своем.

— Эйрнан? — зову я.

Отрывается от созерцания и смотрит на меня.

Я сажусь на диване, опираясь на подушки, и у меня это получается без всяких последствий.

— Есть хочешь? — спрашивает он.

— Немного.

Я и правда вдруг понимаю, что хочу поесть.

Он выходит из комнаты. Возвращается с чашкой. Бульон, немного мяса и овощей.

Пью медленно, маленькими глотками. Он сидит рядом, готовый в любой момент помочь.

Забирает чашку и возвращается в комнату с пакетами. Ставит на пол рядом с диваном.

— Посмотри, должно подойти.

Логотип дорогого магазина. Дорогой, покрытый глянцевой пленкой, картон. Я слезаю с дивана, сажусь на пол и нерешительно заглядываю в ближайший пакет.

Куртка. Тёмно-зеленая, пуховая. Провожу пальцами по ткани — мягкая, тёплая, приятная.

В следующем — пара свитеров. Серый и черный. Красивые.

И еще джинсы. Три пары.

В следующем пакете коробки. Я понимаю, что там обувь. Ботинки. Тёплые, на толстой подошве, с мехом внутри. И сапоги: с гладкой и тонкой подошвой. Я вопросительно смотрю на эльфа. Он пожимает плечами:

— Ездить верхом.

Киваю и заглядываю в последний большой пакет. Футболки, белье, носки и прочие мелочи.

И в самом маленьком пакете — коробка. Известный логотип. Но и так понятно, что там смартфон.

Поворачиваюсь к Эйрнану.

— Зачем?

— Тебе нужны вещи, — сказал он. — Твои не для зимы.

— А телефон?

— Чтобы ты могла позвонить.

— Кому?

— Не знаю, — он пожимает плечами. — Мне. Это необходимость здесь. Ты же понимаешь.

Я прижимаю к щеке кашемировый свитер. Он мягкий и теплый. Как взгляд, которым эльф смотрит на меня.

— А кому ТЫ принесешь меня в жертву? — медленно выговаривая каждое слово, спрашиваю я.

Я готова к любому из возможных ответов: грубому, презрительному, раздраженному, язвительному, шутливому... Только одного я не могу ни ожидать, ни предположить: что он отведет глаза.

Часть вторая. Охота и охотник

Глава 1.

Лондон остался позади — серый, мокрый, снежно-ледяной и вечно спешащий. Гвен смотрела в окно машины на проплывающие мимо улицы. И по ее лицу я никак не мог понять, о чем она думает. Грустно ли ей покидать этот город? Или наоборот, она испытывала облегчение?

Она была слишком спокойна, слишком погружена в себя. Мне это не нравилось. Так выглядит человек, который все для себя решил и определил. Только вот она позабыла сообщить мне о своем решении.

Непривычно. Неприятно. И чувство неуютности так и не покидало.

Я вёл машину так же, как делал всё остальное, — спокойно, без лишних движений. Уверенно. Да, люди называют это именно так. Гвен украдкой посматривала на меня, и старалась это делать незаметно. Что ж. Я не мешал. Хочет, чтобы ее манипуляции оставались в тайне... пусть, ладно. Правда, я предпочел бы перехватить ее взгляд, заставить посмотреть наконец-то на меня. Просто чтобы убедиться — та стена, что она так старательно возводила между нами, мною и придумана. И она просто неважно себя чувствует. Девушки периодами неважно себя чувствуют, и недомогают, и могут быть без настроения, и...

Мы выехали на трассу, и я свернул к указателю с логотипами торговых сетей. Гвен удивленно посмотрела на меня и отвернулась к окну. Ладно.

Огромный молл вынырнул из-за поворота — стекло, бетон, подсветка. Странная людская архитектура. Никак не могу привыкнуть.

— Я голоден, — сказал я, зачем-то решив пояснить ей причину остановки. — Поедим здесь?

Гвен отстраненно (или равнодушно?) кивнула. Спорить не стала. Или сил не было. Или желания? “Хочешь поесть — пойдем и поедем” — вот что я читал на ее лице. И все.

Внутри молла пахло кофе, выпечкой и кондиционером. Людей было немного: утро буднего дня, сонные продавцы, редкие посетители с тележками. Я выбрал кофейню в углу фуд-корта — ту, где было меньше всего народа, зато столики стояли у панорамного окна и поодаль от остального зала.

Мы сели друг напротив друга. Себе выбрал чёрный кофе и сэндвич, Гвен пыталась отказаться — есть ей, видимо, действительно не хотелось, но я все равно заказал для нее травяной чай и круассан.

— Мы едем в Хартфордшир, — сказал я, когда официантка принесла заказ. — И я предпочел бы, чтобы ты знала, зачем.

Девушка подняла глаза. Впервые за утро смотрела на меня — спокойно, я бы даже сказал — как всегда. Но в этом взгляде было что-то ещё. Не тревога, не отрешенность (о боги, наконец-то!), не равнодушие. Скорее усталая сосредоточенность.

Меньше всего я хотел бы видеть это. Всего несколько месяцев назад, всего пару недель назад она была живой, она чувствовала: смеялась, грустила, мечтала. Но последние несколько дней... я понимал, что с ней что-то происходит. Она словно... проснулась поутру взрослой, растеряв всю свою непосредственность.

Я не стал любить ее меньше. Напротив, почему-то эта новая Гвен вызывала во мне и новые чувства.

Но я предпочел бы знать причину такой перемены. Просто знать.

— Ты слышала о пропажах, да? — Сначала несколько фэйри на охоте. Незнатные, потому об их пропаже Меривель не сообщили. Информация о них выплыла только когда пропали еще

несколько разведчиков. Граница, отношения с Благим Двором и так обострены уже не первый год. Прямых стычек нет, конечно. Но ты понимаешь, какая версия преобладала. Напряженные отношения, приграничные земли, пропажа нескольких разведчиков. Только некоторые мелочи в эту картину не укладывались. Но на них вполне можно было закрыть глаза. А потом пропал один из лордов. Ты помнишь, Меривель посещала дом, где мы жили вначале?

Гвен медленно кивнула.

— Я думала, она приезжала не из-за пропажи... ну, это выглядело реально как предлог... Продолжай.

— Очень удачный предлог. Да, она под любым бы приехала тогда. Но пропажа ее действительно возмутила.

— Взбесила, — поправила меня Гвен, улыбнувшись.

Не сказал бы, что королева была сильно расстроена пропажей лорда Нордена, хоть и приближенного. Ее, скорее, потрясла наглость, с которой все было сделано... или взбесила... Я вряд ли бы поручился за точность воспоминаний о том дне, особенно о последних часах. Но что теперь об этом.

— Взбесила, — согласился я. — А потом ты задала вопрос о порталах, помнишь? И тогда я понял, что мне покоя не давало. Порталы. Они открывались, и мы можем это отследить. Не все, не всегда. Я могу сделать так, что определить будет невозможно. Но я сид. И если использовались порталы... и мы не видим этого... понимаешь? Круг тех, кто мог это сделать — это очень маленький круг. Я проверил. И благодаря тебе проверил все, даже те, которыми не пользуются. И стало понятно, что сил у того, кто это делал, не хватало следы замести. И следы остались. Например, ты. Открыть тот заброшенный проход хватило и крови Марка. То, что тебя приказали привезти во дворец, — это прихоть Меривель. Никто не мог это предположить. Как и то, что ты... будешь жить со мной. Как и то, что Меривель придет ко мне, заподозрив, что дело вовсе не в Благом Дворе. Ты должна была умереть там, у дольмена. И Саймон был уверен, открыв портал, что ты мертва. И не проверил. Портал ведь открыт.

— А... Лора? — тихо спросила Гвен, теребя несчастный круассан. Пока я рассказывал, она отщипывала от него по кусочку и клала на тарелку.

— Думаю, Лора тоже... мертва.

Я глотнул уже остывший кофе и поставил чашку на стол — аккуратно, почти беззвучно.

— Пропавшие здесь, на землях людей.

— Почему? — спросила она.

— Потому что здесь их искать не будут. Потому что здесь магия слабее, а спрятать можно где угодно. И потому что похититель — или похитители — точно знают, как открыть портал, через который трудно вернуться.

Гвен замерла. Думала.

— Ритуал, в котором участвовала ты, был не просто подношением. Лора и её спутник открывали проход. Тот самый, с обратной стороны которого — Хартфордшир. И я почти уверен, что похититель — либо чёрный фэйри, либо полукровка Благого Двора, эту версию мы тоже не будем отбрасывать. Либо кто-то из своих. Предатель. И мне очень нужна твоя помощь, — продолжил я. — Если все так, как я думаю... мне нужен тот, кто не боится железа и сможет помочь. Я уверен, что похищенных не убивали. Они нужны зачем-то еще. А самое идеальное место для пленников — людное, шумное, с постоянным движением. Там, где никто не обратит внимания на странных посетителей. Торговый центр маловероятен — слишком много камер, слишком светло. Слишком много сложностей. Что может быть еще?

— А ночной клуб? — спросила она.

— Клуб?

— Да. Дискотека. Толпа молодежи, большинство отрывается под кайфом, или приходит выпить. Темнота, яркие вспышки, очень громкая музыка. Подвал, подсобки, закрытые VIP-

зоны. Идеальное место. Там даже если и увидят, что охранники кого-то волокут — решат, что гость просто перебрал с энергетиками. Обычное дело.

— Это многое объясняет... и в целом...

— Если прятать фэйри, то лучше всего там, где никто не верит в фэйри. А в клубе ночью все либо пьяные, либо под кайфом. Никто не заметит, если кого-то проведут через чёрный ход. И магию там легче скрыть и притупить — достаточно просто добавить в оформление зала или помещений железо. Или рябину.

Я кивнул.

— Значит, клуб. Это надо проверить. Городков много, но нам не нужны все. Только более-менее крупные. Ты поможешь?

Девушка кивнула и наконец отстала от многострадального круассана.

— Заказать тебе еще что-то? — уточнил я.

Она помотала головой и поморщилась. Опять тошнит? Странно. Не должно бы...

— Ты ничего не ела в моем мире? — строго спросил я.

Она снова помотала головой. Не врала. Ладно, разберемся позже.

— Теперь одежда. В клуб в этом не пойдёшь, я правильно понимаю? .

Гвен критически посмотрела на свой свитер, джинсы, ботинки. И возражать не стала. Значит, попал.

— Ты все? Тогда пойдем. Купим тебе что-нибудь подходящее.

Она мерила платье, пока я сидел в кресле у примерочной и листал ленту новостей в телефоне. Иногда это бывает очень полезно.

Кроме платьев (одно, черное, достаточно короткое, с открытой спиной и странным поясом, имитирующим цепь, шло ей невероятно; девочка смущалась, но на этой покупке я настоял), Гвен выбрала пару странных свитеров и брюки. Вместе с консультантом они уверили меня, что более модного варианта нам не выбрать. Ну да, мода и вкус — иногда понятия несовместимые. Под новый образ подобрали обувь. Все, можно было ехать.

Мы вышли на парковку. Я завёл машину, вырулил на шоссе. Лондон таял в зеркалах заднего вида. Я смотрел вперёд, на серое небо, на мокрый асфальт автобана. Гвен сосредоточенно смотрела туда же.

— Ты не хочешь мне ничего сказать? — спросил я.

Она вздрогнула.

— Нет, — ответила она. И отвернулась.

Ну что ж.

Лондон остался позади. Впереди был Хартфордшир. И что-то подсказывало мне: этот день изменит очень многое.

Глава 7.

Мы провели в Лондоне четыре дня. Эйрнан почти все время сидел за своим ноутбуком. Правда, пару раз вытаскивал меня в парк. Явно эта вся канитель с прогулками затевалась ради меня, потому что сам он далеко от счастья не светился, когда ему приходилось покидать свое логово. Но он вытаскивал меня на прогулки. Не комментировал, но... я же все видела. Чувствовала. И теперь доверяла своей интуиции куда больше.

А я не хотела. Я не хотела выходить. Я не хотела есть. И ехать. Я вообще ничего не хотела. Замереть и оставить все так, как есть. Разве я много хотела?

Еще меня тошнило — утром совсем сильно, так, что я думала, не успею дойти до его стильной ванной.

Напряженный, какой-то просящий, взгляд сопровождал каждое мое движение. И меня это бесило. Я хотела остаться одна со своей тошнотой и со своими мыслями.

Присутствие Эйрнана даже в соседней комнате раздражало. Я не могла сосредоточиться, и все время сбивалась на мысли о нем. Совсем не к месту. Что мне об этом думать? Здесь было все понятно. Он точно знал, что меня ждет в ближайшем будущем. Знал и отводил глаза. А значит...

Мне было плохо. Очень. И еще я понимала, что то, что теперь знаю я, он тоже должен знать. Но если он еще раз отведет взгляд... я не выдержу. Я просто не смогу.

Потому что одним утром (хорошо бы сказать — радостным, но...) я проснулась от мысли: я беременна. Я не была уверена, не была в сомнениях — ну как же, так похоже — и не была испугана. Я просто знала. Что только мне теперь делать с моими знаниями?

Кому нужна смертная в его мире? Так, расходный материал на прихоти королевы. Кому нужен там ребенок-полукровка? Которого я даже не смогу защитить. Остаться в моем мире? Он бы отпустил... наверное. Еще несколько дней назад я была уверена — отпустил бы. Только вернуться в мою прежнюю жизнь для меня уже не было возможным. Много причин. Слишком много. Но ведь и здесь моего ребенка не ждало ничего, кроме вынужденности скрыть, спрятать, искалечить и извратить свой дар — магию его отца. Здесь тоже никому не нужен был полукровка.

Я носила ребенка от мужчины, кого любила безумно, и сейчас еще больше, чем раньше. От того, кому не могла больше доверять.

И шла за ним. Пока можно было — быть с ним. А дальше...

Мне не было смысла жить дальше, если тот, кому я верила и кого я любила, сам отдаст меня в жертву своей королеве; мне не было смысла жить, если нельзя было верить ни его словам, ни его делам.

Я сама выбрала верить. Я сама ошиблась. А расплата теперь ждала двоих.

Смотреть на еду было противно, думать о ней — ещё хуже. Но в торговом центре Эйрнан заказал мне чай и круассан, и я заставляла себя отщипывать по кусочку, чтобы он не задавал лишних вопросов. Получалось плохо: крошки скапливались на тарелке, а во рту не побывало почти ничего.

Меня тошнило.

Легче, чем обычно, терпимо. Но всё равно: стоило подумать о еде, как желудок сжимался в тугую комок, а во рту появлялся металлический привкус.

А еще меня раздражал запах кофе, которым пропах весь торговый центр. Эта странная чувствительность к запахам, и еще усталость, которая накатывала волнами... Это тоже раздражало.

В торговом центре он был странным.

Нет, не так. Он был собой. Просто в этом мире, среди людей, его «собой» выглядело иначе. Он уверенно шёл по галереям, не глядя по сторонам, но я чувствовала: он сканирует пространство. Привычка охотника. Или воина. Или того, кто слишком долго жил в клетке и теперь проверяет каждый угол.

В кофейне он выбрал столик у окна, но так, чтобы за спиной была стена, а выход — в поле зрения. Я отметила это машинально. И вдруг задалась вопросом: «Он всегда так садится?»

Наверное, да.

Эйрнан рассказывал о своих делах — а я смотрела на его руки и отщипывала кусочки от круассана.

Он говорил о пропажах, о порталах, о Саймоне и Лоре. О том, что меня должны были убить там, у дольмена. Что я — ошибка в чьём-то плане.

Я слушала и теребила круассан.

— А... Лора? — спросила я тихо.

— Думаю, Лора тоже... мертва.

Он сказал это спокойно, без жестокости, но и без попытки смягчить. И никакого сострадания. И я вдруг поняла: он не утешал. Не потому, что не хотел. А потому, что не умел. Его мир не знал утешения — только выживание.

Я смотрела на его руки, лежащие на столе. Длинные пальцы, бледная кожа, тонкие шрамы у запястий. Этими руками он убивал. Этими же руками он обнимал меня ночью.

Он рассказывал дальше — про железо, про то, что ему нужна моя помощь. Я кивнула. Конечно, я помогу. Я не могла иначе. Я не хотела выбирать между больно и больно.

И он вдруг спросил о том, что думаю я обо всей этой ситуации. И почему-то слушал и даже кивал, соглашаясь. И даже согласился с тем, что ночной клуб подходящее место... удивительно.

А потом мы пошли выбирать одежду.

Он сидел в кресле у примерочной и листал телефон, пока я мерила то, что могло подойти для посещения ночного клуба. Консультантка щебетала что-то про «модный силуэт» и «акцент на талии», я кивала, не вслушиваясь. Какая на хрен разница. Только один вариант — черное короткое платье, с открытой спиной и странным поясом, похожим на цепь, вызвало у Эйрнана... удивление? Он замер. Всего на секунду. Но очень заметно. В его взгляде промелькнуло что-то... тёмное. Жадное. Почти голодное.

Платье в итоге он тоже купил, даже не спросив, понравилось ли мне.

В машине мы снова замолчали. Я смотрела на серое небо, на мокрый асфальт, на проплывающие мимо указатели. Лондон остался позади. Впереди был Хартфордшир.

— Ты не хочешь мне ничего сказать? — спросил он вдруг.

Я вздрогнула.

Сказать? Что? Что меня тошнит от запаха его кофе? Что я боюсь его реакции на новость, которую ношу под сердцем? Что я не знаю, как жить дальше, если он снова отведёт глаза?

— Нет, — ответила я. И отвернулась к окну.

Он промолчал. Только пальцы на руле сжались чуть крепче. Я видела.

Глава 8.

Гостиница в Хартфордшире оказалась небольшой, но приличной, в центре. Старое здание, перестроенное под отель, с узкими коридорами и деревянными лестницами. И пахло полиролью и чем-то цветочным, нежным, наивным.

Эйрнан выбрал номер на двоих. Одна кровать — широкая, с белоснежными простынями, белоснежными пододеяльниками, белоснежным всем среди мрачных, обшитых темными деревянными панелями стен. Обычный номер. Удобный, небольшой, но вполне достаточный. Для двоих. И одна кровать. Я старалась не думать об этом.

Темнело быстро, и, когда мы спустились в ресторан при гостинице, за окнами всюду бушевала ночь. Свет фонарей пытался пробраться в зал, но соперничать со светом десятка люстр и ламп было бесполезно.

Зал оказался полупустым: обедали в это время лишь пара пожилых дам за дальним столиком, судя по всему, обитательницы Хартфордшира.

Одна из них, в сером платье, с ниткой жемчуга на шее, с любопытством взглянула на нас: сначала, долго, изучающе, на Эйрнана, потом ее недоумевающий взгляд соскользнул на меня. “Знали бы вы, миссис, кто составит вам компанию за обедом, буквально в трех метрах от вас,” — усмехнулась я мысленно.

За одним из столиков у окна сидел молодой мужчина с ноутбуком, отгородившись от реального мира экраном. Чашка с остывшим недопитым кофе, недовольные взгляды официантов — абсолютно все оставалось за гранью его восприятия.

Эйре и в этот раз выбрал своеобразное место: столик у окна, в самом углу. Хороший обзор, защищенная спина.

Заказал мясо и вино. Я хотела ограничиться чашкой чая — есть все так же не хотелось. Но потом передумала. Ни к чему мне его тревожные допросы — о, это он проводил мастерски, я бы все рассказала и сама бы не заметила, как. Остановилась на самом нейтральном: овощной суп и чай. Получила неодобрительный взгляд и просьбу поесть. И усмехнулась от того, что большая часть нашего диалога прошла без слов. Раньше я бы порадовалась. Счастье ведь, когда тебя понимают...

Он ел молча, глядя куда-то в пространство мимо меня. Иногда его взгляд “возвращался”, окидывая и оценивая неизменную обстановку зала. Я ковырялась в супе и мужественно пыталась проглотить хоть пару ложек.

А потом я почувствовала.

Сначала — лёгкое покалывание в кончиках пальцев. Потом — холод, пробежавший по позвоночнику. Оторвалась от супа и подняла глаза.

Эйрнан сидел, опустив голову. Руки на столешнице, глаза закрыты. Его лицо было спокойным, отрешенным и совершенным. Прекрасным. Идеальным. Со стороны могло показаться, что он просто задумался.

Но я видела совсем другое.

Багровые нити Клятвы проступили вокруг его запястий, шеи, груди. Они пульсировали — медленно, ритмично, как сердцебиение. Сжимались, обвивая свою жертву тонкими, но даже на вид прочными кольцами. И с каждой пульсацией он чуть заметно вздрагивал.

Я смотрела на него и чувствовала, как у меня внутри всё сжимается. Он снова терпел. Один. Молча. Как всегда.

Я протянула руку и накрыла его ладонь своей.

Он вздрогнул и наконец-то открыл глаза. Радужки не было, одни сплошные, расширенные до максимума зрачки. Он все еще был там — в своей боли, в своей клетке, в своём бесконечном одиночестве.

Я смотрела на наши руки. Багровые нити Клятвы по-прежнему пульсировали, но теперь между ними разгоралось другое свечение. Сине-голубое. Мягкое, как зимние сумерки, и удивительно осязаемое.

“Ты выбрал синее? Ах да, цвета твоего дома ведь до сих пор не запрещены”.

“Голубой и синий — цвета моего Двора”.

Нити Клятвы дрогнули. Замедлили свой витиеватый танец. И начали бледнеть, растворяясь в голубом сиянии.

Они не исчезали сразу. Сопротивлялись. Багровые искры то вспыхивали ярче, пробиваясь сквозь синеву, — то гасли, отступали, как волны от скалы.

Я не знала, как это работает. Не знала, что делаю. Просто держала его за руку и чувствовала, как его боль отступает.

На кухне звенела посуда, зашумела вода, приглушенные звуки гостиничного ресторана вдруг засуществовали вновь.

Эйрнан смотрел на меня пристально и тяжело. Но руки не забирал. Напротив, сжал вдруг мои пальцы.

Можно платить свою цену за любую попытку жить. Можно. Одного он не хотел принимать: быть вдвоем — не означает платить двойную цену. Это означает разделить все, от боли до радости, на двоих. И только.

Глава 9.

Моя идея с ночными клубами действительно пришлась кстати.

Вообще-то, я считала до последнего: фэйри просто сделал вид, что это неплохой вариант, и одобрил только для того, чтобы я не чувствовала себя совсем бесполезной. Но после ужина он начал собираться. И на мой удивленный вопрос, куда мы идем, не менее удивленно ответил, куда. Но хоть не грубо.

Я предпочла бы остаться в номере. Мне все больше хотелось тишины. Не получилось. Ладно раньше, я понимаю: прислуга должна выполнять распоряжения хозяина. Но вроде бы мы вполне мирно начали существовать на равных... почти...

— Гвен, хватит спать! Ты идешь со мной, и мы это не обсуждаем. Одевайся.

Вот злобное существо. Я показала ему в спину язык и поплелась одеваться.

Первый на сегодня и вообще в моей жизни клуб назывался «Подземка». Вполне себе стандартный подвал почти в центре Хартфордшира выглядел если и не роскошно, то вполне презентабельно. На входе скучал бритый охранник в черном... Такой киношный вариант охранника. Увидев нас, он даже не попросил документы — просто скользнул взглядом по моему кавалеру, по мне и отвернулся. Обычная пара. Таких за ночь — десятки.

Внутри оказались кирпичные стены, неон, бас, от которого вибрировало в груди, а еще пахло потом, сладкими коктейлями и дым-машиной. И чем-то химическим. Полутьму прорезали вспышки разноцветного света в такт ударным.

Мы сели у бара. Себе Эйрнан заказал виски, мне — воду со льдом. Пить не хотелось, но держать стакан в руке было удобно: меньше шансов, что кто-то обратит на меня внимание. Я медленно водила пальцем по краю стекла и смотрела на танцпол.

Толпа дёргалась в такт музыке. Разноцветные вспышки выхватывали из темноты лица — молодые, пьяные, весёлые. Кто-то танцевал с бокалом в руке, кто-то обжимался в углу, а кто-то прямо на танцполе не стесняясь никого. Ничего необычного. Стандартная пятничная ночь в клубе.

Эйрнан сидел, развернувшись спиной к стойке, и смотрел на все это беснование.

Потом подозвал администратора — молодого парня с планшетом в руках и усталым лицом человека, который работает пятую ночь подряд.

— Приват на час.

Администратор посмотрел на Эйрнана — дорогая одежда, спокойный и уверенный вид. По мне он просто мазнул взглядом. Ага, чего на меня смотреть. Бесплатное приложение к явно богатому клиенту. Как, вот как у него это получалось? В любой одежде он выглядел... дорого.

В голове у администратора пазл сложился, никакой тревоги от нас он не ощутил. Приватная комната осталась за нами. Эйрнан протянул наличные.

Нас провели в короткий коридор за сценой. Здесь музыка звучала глуше, и свет был, красноватый, неяркий, но после тьмы танцпола мне показалось, что даже перебор. Из коридора вело несколько дверей. Администратор открыл дальнюю, пропустил нас внутрь и удалился.

Комната оказалась маленькой: низкий диван, столик с бутылкой шампанского в ведёрке, пара бокалов. Огромное зеркало в полстены. Кнопка вызова. Всё такое стандартно-безликое — как в сотне других клубов.

Эйрнан окинул комнату взглядом и развернулся ко мне.

— Я пойду осматрю служебные помещения.

— Один?

— Так быстрее. Подожди меня здесь. Если через полчаса я не вернусь — выходишь через главный вход и ждёшь в машине.

— А... ты можешь не вернуться?

Эльф одарил меня таким взглядом, что я даже порадовалась, что не ответил. Тоже мне, тайны... и чего тогда меня сюда тащил? Я хотела возразить. Но передумала. Ладно, он наверняка знал, что делал.

Я осталась одна. Присела на край дивана. Тишина. Наконец-то тишина. Откуда-то изда- лека доносились вибрации от ритмичной музыки, которую и музыкой-то назвать можно было с трудом. Но хотя бы неприятный сладковатый запах из зала сюда не проникал.

На двенадцатой минуте дверь открылась. Эйрнан вошёл — быстро, бесшумно, — и сел рядом.

— Пусто. Служебка, кухня, туалеты, склад. Ничего. Никаких следов, — сказал он. — И магии никакой. Даже фоновой. Обычный клуб.

Я выдохнула. И никак не могла определиться, радоваться или огорчаться.

— Тогда едем дальше? — спросила я. Оказаться на свежем февральском холоде сейчас казалось мне лучшим вариантом.

Он кивнул и поднялся.

Мы вышли из приватной комнаты. Прошли через танцпол — всё такой же гремящий, душный, полный людей. На улице нас встретил холодный ветер. Я поёжилась, и Эйрнан, не спрашивая, обнял меня. И почему-то стало теплее.

В машине он завёл мотор и повернулся ко мне:

— Ещё два клуба в этом чудесном городе. Успеем до закрытия. Ты как?

— Нормально, — ответила я. — Поехали.

Ни гигантский «Бункер», расположенный в бывшем бомбоубежище, ни «Эйфория» — этот клуб оказался поменьше, попроще, с дешёвыми коктейлями и публикой помоложе, не принесли ничего. Мы отработали везде одну и ту же схему: бар, наблюдение, приватная комната, разведка.

Пусто. Эйрнан утверждал, что ничего подозрительного не заметил. Вероятно, он был прав, но некое странное чувство — ощущение нереальности происходящего — не покидало до последнего.

К трём часам ночи мы вернулись в гостиницу. Я скинула туфли прямо у двери и рухнула на кровать, не раздеваясь. Эйрнан сел в кресло у окна.

— Ничего, — сказала я в потолок. — Три клуба — и ничего.

— Это тоже результат, — ответил он. — Осталось проверить ещё несколько точек. Ну или это не клуб. А значит, другое место.

— Какое?

— Пока не знаю. Давай сначала отработаем одну версию здесь...

Он говорил спокойно, но я слышала в его голосе знакомые стальные нотки. Он был недоволен собой, недоволен результатами. И было это слишком очевидно.

Я села на кровати и вглядывалась в его лицо. Ладно, любовалась.

— Много клубов в этом районе?

— Много. Хуже всего то, что мы не можем точно сказать, верна ли эта идея.

— И что делать? — тихо спросила я.

— Сейчас — спать.

— А... с этим делом?

— Проверять. Другого выхода нет.

Наверное, он был прав. Выхода все равно не было.

Глава 10.

На этот раз это был, кажется, Хитчин.

Мы побывали уже в восьми городках, и в двадцати, если не больше, клубах, и меня тошнило уже от предвкушения очередного вечера среди грохота, истеричных сполохов света и сладковатых запахов кальяна и марихуаны.

Старый центр городка — маленький, аккуратный, вылизанный, с площадью и церковью — в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.